

Кузичева А. П. Чеховы. Биография семьи / А.П.Кузичева. – М.: «Артист. Режиссёр. Театр», 2004. – 470 с.

Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А. П. Чехова. – Таганрог, ООО «Издательство «Лукоморье», 2003. – 732 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / А.П.Чехов. – М.: Наука, 1974-1988. Соч.: В 18 т. (1983-1988); Письма: В 12 т. (1974-1983).

Образ Царь-девицы в поэме Г.Р. Державина и в романе Вс.С. Соловьева

С.М.Ляпина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец)

Ключевые слова: Державин Г.Р., Соловьев Вс.С., Царь-девица, литературная сказка, исторический роман, фольклорные мотивы

Сказки, где героиней является Царь-девица, послужили источником сюжетов для многих литературных произведений. В XIX столетии мифопоэтический образ Царь-девицы использовали А.С.Пушкин в «Сказке о золотом петушке» (1834), П.П.Ершов в стихотворной сказке «Конек-Горбунок» (1834 (1856)). В 1841 году В.Ф.Одоевский создал пьесу для театра марионеток «Царь-Девница», Я.П.Полонский свое стихотворение балладного жанра назвал «Царь-девица» (1876 (1880?))¹.

Как и многие современники, Г.Р. Державин интересовался фольклором, известным ему непосредственно и в литературных обработках М. Д.Чулкова, М.И. Попова, В.Д. Левшина и др. Это отразилось на некоторых его произведениях позднего периода, в частности: «романс» - поэме «Царь-девица» (1812).

А в последней четверти XIX века русский писатель Вс.С.Соловьев (1849-1903) в историческом романе «Царь-девица» (1878) продолжил традицию использования мифопоэтического образа Царь-девицы, придав облику царевны Софьи Романовой сказочные, иррациональные черты.

Царь-девица является персонажем зарубежных и русских сказок, которые входят в сюжетный тип текстов о молодильных яблоках: русской сказки об Иване-Царевиче и Царь-девице² и других («Жар-птица и Царь-девица», «Луна и звезда», «Молодильные яблоки»).

¹Образ Царь-девицы в русской литературной традиции XIX века становится устойчивым, о чем свидетельствуют такие произведения, как поэма «Царь-девица» Н.Я. Прокоповича, прозаический пересказ сказки, созданный Н. А. Полевым, пьеса П. Д. Голохвастова и др.

² Различные версии этой сказки напечатаны у А.Н. Афанасьева, В.А. Левшина, И.А.

Царь-девица – яркий и сложный персонаж, образ которого передается в сказке с помощью средств разных фольклорных жанров: одной стороны, героиня выступает в повествовании как типичный сказочный персонаж; с другой – она наделена рядом черт эпической богатырши. Кроме того, «в образе Царь-девицы есть признаки, позволяющие отнести её к существам мифологической природы и раскрывающие наиболее архаичный пласт сюжета» [Русская 2008: 100] сказки. В нем так же соединяются черты нескольких женских типов, которые встречаются в волшебных сказках: «воинственной девы» и «мудрой девы».

Поэма «Царь-девица» создавалась Г.Р. Державиным во время его работы над теоретическим исследованием «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде». Некоторые исследователи считают, что произведение было задумано «как пример жанра стихотворной волшебной сказки» для этой статьи [Щекотов 1993: 48]. В новом и необычном для поэта жанре получили своеобразное развитие мифопоэтические мотивы. Вместе с тем литературная сказка сохранила державинские принципы поэтического изображения окружающего мира и внутреннюю, органическую связь с его одами, сатирой, анакреонтическими стихами.

Мы можем предположить, что в этой поэме Г.Р. Державин попытался дать своеобразный поэтический «урок царям»: образ Царь-девицы был нужен ему для разработки образа «идеального монарха».

...Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет

[Державин 1957: 355]

У Г. Р. Державина сохранились такие сказочные характеристики Царь-девицы как «дева-богатырь» и «мудрая дева». Он добавил к образу портретное описание русской красавицы и ее человеческих качеств, а также черты идеального правителя, который заботится о народе. Таким образом, Г. Р. Державин дал развернутый портрет Царь-девицы, в котором соединил конкретно-историческое и фольклорно-сказочное. Однако этико-эстетическая функция державинского образа отличается от сказочного изображения Царь-девицы. По мнению В.И.Кодухова, у Г. Р. Державина – это всего лишь «прием описания романтической красавицы с опорой на фольклорные ассоциации для того, чтобы затем перейти к иносказанию» [Кодухов 1991: 5].

Худякова. См.: Царь-девица // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М., 1985. С. 182-189; Левшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. М., 1780. Ч. 1. С. 187-248; Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. // Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 6. СПб., 2001 и т.п.

Главная героиня романа Вс.С.Соловьева царица Софья кажется сказочной Царь-девицей дворянской сиротке Любе Кадашевой: «Люба... очутилась прямо лицом к лицу с прекрасной молодой женщиной, одетой в бархатную душегрейку... Густые, белокурые волосы этой женщины были перевиты крупным жемчугом, глубокие, темно-синие глаза с любопытством и участием остановились на лице Любы...» [Соловьев 1990: 58]. Люба страстно влюбляется в образ царицы и отождествляет с ним и прекрасную внешность, и ее жилище, царский терем, и волшебную власть и силу.

По нашему мнению, обращение Вс.С.Соловьева к фольклорным мотивам в романе, в частности, к волшебной сказке и образу Царь-девицы обусловлено стремлением писателя подчеркнуть иррациональный дух допетровской Руси. Писатель, вероятно, хотел показать, что для народа в то время женщина, находящаяся у власти, являлась иррациональной, «сказочной» фигурой. Кроме того, использование автором фольклорных мотивов в романе «Царь-девица» явилось продолжением традиций русского романтизма. Романтический элемент органично входит в идейно-художественную систему Вс. С. Соловьева как результат мироощущения писателя, как следствие особенностей его мировоззрения и эстетического идеала.

Если сравнить специфику использования образа Царь-девицы у Г.Р. Державина и Вс.С. Соловьева, то, несмотря на большой временной отрезок, разделяющий их произведения, можно выявить некоторые общие моменты. И Державин, и Соловьев используют фольклорный образ Царь-девицы, заимствованный из русских сказок. Так же как и Державин, Соловьев дает в своем произведении идеализированный образ женщины-правительницы на русском троне, изображенный в русле традиций русского романтизма.

Мы видим, что мифопоэтический образ Царь-девицы привлекал внимание многих русских писателей и поэтов. Каждый из них своеобразно интерпретировал этот образ, внося в его культурный контекст дополнительные смыслы, обогащая его новыми значениями. По нашему мнению, образ Царь-девицы в русской литературной традиции XIX века, с одной стороны, становится устойчивым и приобретает признаки архетипа, а, с другой, решает ряд важных проблем, связанных с ролью личности в истории и отношением общества к женщине у власти.

Литература

Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений / Г.Р.Державин. – Л., 1957.

Кодухов В.И. Царь-девица у Державина и Ершова / В.И.Кодухов // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тамбов, 1991.

Русская мифология. Энциклопедия / Сост. Е.Л. Мадлевская и др. – М., 2008.

Соловьев Вс.С. Царь-девица / Вс.С.Соловьев. – М.: Прометей, 1990.

Щекотов Ю.Д. Сказка «Царь-девица» Г.Р. Державина в контексте его «Рассуждений о лирической поэзии, или об оде» / Ю.Д.Щекотов // Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания. Материалы Юбилейной Международной научной конференции. – Тамбов, 1993.

Признаки интертекстуальности в цикле Т.Кибирова «Памяти Державина»

О.В.Марьина

Алтайская государственная педагогическая академия
(Барнаул)

Ключевые слова: интертекстуальность, цитатные включения, нерегламентированные знаки препинания

Интертекстуальность понимается по-разному. Одни исследователи придерживаются позиции Р.Барта: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт 1989: 36 – 37].

Другие считают (Е.М.Дронова, В.М.Жирмунский), что интертекстуальность может быть рассмотрена как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующийся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др. Однако такой взгляд на теорию интертекстуальности представляется искусственно ограниченным, т.к. феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и наличие общего единого текстового пространства.

С позиции Л.Н.Луньковой, категория интертекстуальности применительно к современной художественной литературе представляется структурообразующим элементом [Лунькова 2011: 22].

Постмодернистский текст, по наблюдениям Е.В.Маркасовой, позволяет выявить главным образом не цитаты из ранее написанных текстов, а авторские интенции, весьма интересные с точки зрения историка, обращенного к теме общественного сознания и культуры советской эпохи, их взаимодействия с более ранними культурными пластами [Маркасова 2000: 248].

Современные авторы в прозаических и поэтических текстах, созданных на рубеже XX – XXI веков, активно обращаются к ранее созданному. Это могут быть различные цитатные включения: полная и трансформированная цитаты, аллюзия и реминисценция. В качестве последних в авторских текстах используются имена героев